

Замчалов Григорий Емельянович

Сорвалась с крючка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Сорвалась с крючка / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-519-85631-7

ISBN 978-5-519-85631-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г. ЗАМЧАЛОВ

СОРВАЛАСЬ СКРЮЧКА

РАССКАЗ

*ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
и СТАРШЕГО ВОЗРАСТА*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

*Обложка и рисунки
художника Н. В. КРЮКОВА*

Главлит № А—64.935

Э. Т. 1140

Тираж 15.160 экз.

7-я типограф. Мосполиграф «Искра Революции», Москва, Филипповский, 13.

СтАт Б 6—125×176 мм. 4 п. л.

1

Прошлым летом я получил отпуск и стал думать, куда бы мне поехать отдохнуть. Два дня продумал и ничего не мог надумать: там дорого, там купаться негде, там не интересно. А отпуск у меня был всего на две недели. Я уже стал бояться — не продумать бы мне весь отпуск, когда получил от племянника Коли письмо: „Мы в лагерях. У нас тут лес и река. Можно хоть целый день ходить голым и загорать. Если хочешь, приезжай сюда. Только захватывай с собой палатку, а то у нас тут строго — в нашу не пустят“.

Вечером я собрался, а на другой день, часов в одиннадцать, уже отыскал Колин лагерь. Там были только дежурные, осталь-

ные все ушли в лес. Я облюбовал себе подходящее место и устроил палатку в стороне от лагерных.

День был жаркий, в палатке сразу стало душно. Я, как был, одетый вылез наружу и пошел бродить. Но не успел я дойти до реки шагов сорок, как уже весь взмок. „Да что я, в самом деле! В городе потел и тут буду? Очень нужно!“

Я вернулся в палатку и, немного погодя, вышел в одних трусах да в полотенце, обмотанном вокруг головы. Теперь солнце не растапливало меня, а слегка поджаривало — очень приятно. Мне стало так весело и хорошо, что я вдруг засмеялся, подпрыгнул и поскакал, как козел. Доскакал до реки, вижу — спуск. Маленький, мягкий от травы, покатый. Раньше, когда я был с Колю, я в таких местах кубарем спускался. Правда, теперь я уже не маленький, ловкости во мне осталось чуть побольше, чем у быка. Но я как-то забыл об этом. Согнулся, во-брал в себя голову... Ну, да катнулся. Один раз перевернулся и заработал шишку. Так, небольшую, с орех. Камень там, проклятый, попался в траве. Хорошо еще, что

голова у меня полотенцем была обмотана. А то бы пришлось Коле искать себе другого дядю, поумнее.

Пока я тер свою шишку, передо мной, неизвестно откуда, появилась женщина. Старуха. Высокая, широкоплечая и прямая, как солдат. В руках у нее было не то белье, не то тряпки мокрые.

— Откуда тебя, этакого, принесло? — спрашивает. Голос у нее сердитый, брови сдвинуты — того и гляди по щеке смажет.

— Я, — говорю, — вот... купаться, вот...

Она оглядела меня сверху донизу, отвернулась и сплюнула:

— Тьфу, бесстыдник! Марш отсюда, а то я те вот тряпкой. Носит вас тут нагишом.

— Да я же, ведь... Бабушка, я, ведь, купаться.

— Ну к что же? Мало те места? Тут дети придут, маленькие, а ты, боров этакий... Марш, говорю!

Я отвернулся и пошел к себе в палатку. Не драться же с ней! Кто ее знает, может, это сумасшедшая какая? У нее и платок не по-человечьи завязан: спереди на лбу узел и от него вверх два больших рога.

После обеда вернулись из леса ребята. Коле, наверно, сказали про меня—он сейчас же прибежал с двумя другими головастиками.

— Дядя Миша! Здравствуй! Это наши ребята. Вот это Шурка, а это... А это что у тебя? Вот тут, на голове, сбоку?

— На голове? Это, видишь ли... в вагоне. Машинист нам скверный попался. Все время дергал. В одном месте как дернет—я об полку. Ну, вот, и набил... Это пустяки, не обращай внимания. Ты лучше скажи, что это тут за старуха шляется?

— Где?

— Да вот тут, у реки мне встретилась.

Коля хлопнул себя по коленке и засмеялся:

— Она высокая, да? В черном платке? Сердитая?

— Не сердитая, а прямо бешеная. Ни за что, ни про что ругается, купаться не дает. Грозила тряпкой ударить. Я хотел ее послать подальше, да подумал: сумасшедшая.

Все трое головастиков захохотали. А я вспомнил свое кувырканье, шишку, боль—и мне стало досадно.

— Ничего тут нет смешного. Я приехал сюда не для того, чтобы сидеть в палатке и бояться всяких бешеных старух.

Это еще больше раззадорило огольцов. Они так и рассыпались от смеха. И только когда их отпускало немного, они, один за другим, с трудом выговаривали:

— Она не сумасшедшая... Ты не знаешь... Это, брат, наша... Прокофьевна.

— Если она ваша, то тем хуже для вас. Вот, посмотрите, она вас перекусает всех. Ее надо убрать отсюда. Я, вот, ее встречу еще раз и...

Головастики сразу перестали смеяться. Коля перебил меня:

— Ну, уж это ты брось! Ее нельзя трогать.

— Да кто же она такая?

— Никто. Человек просто, бабушка.

— Что ей тут надо, в лагере?

— Про это мы потом расскажем. Да ты и сам увидишь. А сейчас мы лучше расскажем, как она в первый раз пришла к нам в отряд. Ладно?

— Нет, сейчас купаться надо, — сказал Шурка.

— Правда, — согласился Коля. — Рассказывать потом. Вставай, айда купаться.

У меня разболелась голова, от шишки наверно, и я отказался. Они было потащили и меня силой, но я уперся и не сдвинулся с места.

— Тогда и я не пойду, — сказал Коля. — Вы идите, а я, может быть, после искупаюсь.

Когда Шурка и другой ушли, я пристал к Коле, чтобы он рассказал про старуху: очень уж она меня заинтересовала. И он рассказал:

— Один раз у нас был сбор. Зимой еще, в школе. Я не помню уж, какой-то вопрос мы решали. В самый разгар спора вдруг открывается дверь, и заходит она — важная такая, сердитая, как-будто собирается разнести нас всех. Рядом с ней мальчишка. Большой уж, с меня, а несмелый. Мы все усталились на старуху. Она подошла к нам поближе и сверху, как с колокольни, оглядела нас. Выбрала самого большого, вожатого Илюшу, и толстым своим басом спросила: „Кто тут у вас самый старший?“ Илюша говорит: „Я“. — „Тогда, коль, поди сюда, мне с тобой поговорить надо“. — „Сейчас нельзя, бабушка. Мне некогда. Вот кончим, тогда можно будет“. Как она шагнет к нему, да как крикнет: „Как? Как ты сказал?! Да я

этаких сморкунов, как ты-то, может, с три десятка выняньчила, а ты мне — погоди, некогда!”

Мы все растерялись. Мальчик ее покраснел. Илюша, на что геройский, и то не знает, что сказать. Наконец он кое-как промямлил: „А вы долго хотите говорить?“ — „Чего мне с тобой лясы точить? Спрошу, да и пойду“.

Илюша подошел, и она тут же, при всех, начала расспрашивать: „Это ваш самый отряд и есть?“ — „Да“.— „Чем же вы тут занимаетесь?“

Илюша рассказал как можно короче. Потом она стала спрашивать: нет ли у нас какого баловства, кого мы принимаем — всех или только хороших детей, кто нам помогает в работе, что из нас выйдет. Все это она спрашивала так быстро и сердито, что Илюша не мог опомниться и отвечал ей, как учителю урок. Под конец она вытолкнула вперед своего мальчика, сказала: „Ну, вот, коли, вам еще один, пушай с вами займается“. И пошла назад. Илюша было побежал за ней: „Бабушка, подождите... Как же так? Мы так не можем...“

Но она уже хлопнула дверь. Мы все, как по команде, засмеялись.

Илюша пожал плечами и сказал в закрытую дверь: „Вот так старуха! Настоящий пулемет“.

Тут только мы вспомнили про мальчика. Он стоял на том же месте красный, как рак, и смотрел в землю.

3

Коля вспомнил что-то и сказал:

— Дядя Миша, ты подожди немного, мне надо сходить к ребятам.